

Кудряшова Т.Б.

О СПЕЦИФИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ЯЗЫКОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Поскольку восприятие, постижение и понимание мира человеком во многом определяется спектром актуальных языковых значений и социальных феноменов, функционирующих в обществе и представляющих собой некие целостности, гештальты, то последние являются, в определенном смысле, априорными формами, в кантовском значении, задающими для человека условия познания, выражения знаний, условия коммуникации, интересубъективности и прочее. Как бы мы ни именовали интересующую нас сторону активности сознания: всеобщие структуры чистого сознания, модусы сознания, его априорные сущности, оценочно-познавательные способности, гештальты и пр. – независимо от используемого термина, несмотря на разницу в оттенках их смыслов, – важно лишь то, что изменение тезауруса не избавляет нас от необходимости учитывать временной характер проявления феноменов сознания. Как известно, каждая эпоха характеризуется своей парадигмой актуальных форм такого рода, а мы время от времени наблюдаем смену парадигм эволюционного или революционного типа. Поскольку изменчивость фундаментальных характеристик сознания не просто ситуативна, но и исторична, то мы можем говорить в целом об их современном состоянии, пусть и в становлении, выявляя тенденции развития и модификации.

Процесс формирования актуальной парадигмы языковых значений, включающей, в общем случае, и социальные феномены, для каждой эпохи имеет свои особенности, а в условиях техногенной цивилизации, ускоряющей ход времени, это своеобразие становится особенно заметным и может быть зафиксировано даже на протяжении жизни одного поколения. В данной работе предпринимается попытка определения некоторых специфичных для нашего времени признаков, характеризующих априорные для данной эпохи формы постижения мира. Другими словами, это условия актуализации познавательного потенциала, некой Внутренней формы языков познания или понимания мира, характеризующих *гносеологический стиль эпохи*[4].

Изменчивость всегда была атрибутом нашего мира, однако часто отмечается, что для последнего времени характерно тревожное восприятие будущего, объясняемое тем, что «оно полностью порывает со сложившимися нормами» и потому может явить, *показать* себя «лишь в чудовищном облике», поскольку это тот нарастающий мир, «который поколеблет значимость знака, речи и письма» [3, с. 118]. При любом отношении к такому рода тревогам обратим, прежде всего, внимание на то, что обычно неприятие вызывают не столько внешние признаки изменений, сколько осознание глубокого внутреннего движения или актуализации неведомых прежде форм. Человеку свойственно настороженно относиться к самой возможности смены представлений о своих сущностных качествах, и поэтому он сопротивляется тому влиянию среды, которое может привести к экспликации отклонений от привычных установок.

Однако стоит детально рассмотреть, так ли катастрофичны изменения, даже самые серьезные, поскольку не исключено, что они вполне могут способствовать решению задач более глубокого постижения мира на языках, по-новому сочетающих в себе, наряду со способами вербального и визуального выражения, также другие перспективные возможности формирующихся синтетических языков, широко использующих перцепцию, возникающих в принципиально новых технических условиях существования и передачи образов-смыслов.

Думается, что изменения в формировании таких гештальтов, языковых значений или феноменов сознания происходят, условно говоря, как по горизонтали, так и по вертикали. Изменения по горизонтали характеризуют количественные преобразования, затрагивающие их внешние формы, а изменения по вертикали характеризуют качественные преобразования, задающие условия новой актуализации потенциала Внутренней формы языков познания, составляющей основу или специфику познавательного стиля эпохи.

К внешним количественным изменениям мы бы отнесли, во-первых, резкий рост объема информационных потоков, породивший проблему знакового накопления (загрязнения), или такого роста количества означающих, с которым не способно справиться не только отдельное сознание, но и общественное сознание в целом. Рост информационных потоков сопровождается все более заметным вытеснением этими информационными потоками знаниевого контекста, а также постепенной сменой вербальной языковой доминанты на визуальную. Присутствие первого означает, что в коммуникации характерным становится не обмен знаниями или их производство, а всего лишь «трансляция информации» [2]. Такая трансляция не требовательна к определению условий происхождения знаний и вовсе не обязательно подразумевает общение, понимание, диалог, происходящие, как мы традиционно подразумеваем, на основе Текстов культуры.

Выделенные нами внешние изменения, особенно два последних (смена вербальной доминанты на визуальную, а также вытеснение знаний информацией) – являются уже свидетельствами глубинных внутренних изменений в познавательно-языковых социальных сферах. Так, например, тенденции к возможному грядущему доминированию визуальных языков (а в общем случае и перцептивных) объясняются, с одной стороны, спецификой визуального образа, способного в едином акте восприятия нести чуть ли не бесконечный объем информации, знания, условий понимания и прочее. Подобные свойства визуального образа крайне актуальны для эпохи, насыщенной информационными потоками, поскольку помогают в решении ее проблем обработки и передачи информации.

Однако, с другой стороны, частое отсутствие четкой детерминации визуального образа, его многослойность и многозначность – могут стать причиной затрудненной коммуникации в обществе, пока еще склонном

к мышлению, по преимуществу, понятиями. Поэтому смена языковых доминант такого рода неизбежно будет сопровождаться сменой ментальных, мыслительных, интеллектуальных и перцептивных акцентов и, возможно, изменением стиля мышления, рациональности, самого понимания разума. Поток сознания познающего субъекта неизбежно будет насыщаться другими видами переживаний, такими модусами, как впечатление, эмоция, вкус, зрительное восприятие с его способностью в созерцательной интенции предвидеть многие свойства предмета, недоступные актуальному акту зрительного восприятия. Причем переживаниям такого рода все больше будет отводиться роль основных когнитивных способностей. Рост их значимости, думаем, будет связан с процессами формирования системы визуальных тропов: метафор и метонимий в первую очередь. Объясняется это тем, что еще со времен Аристотеля неотъемлемым качеством, сопровождающим процесс познания, считалось узнавание и удивление. Поэтому познание, в определенном смысле, начинается с удивления и завершается узнаванием, то есть сведением нового к чему-то уже известному, или, по крайней мере, сравнением с уже известным. Подтверждением этого является использование метафор, метонимий и других тропов, к которым часто обращается любой язык при необходимости фиксации в нем новых значений. Следовательно, когда в визуальном языке сформируется «критическая масса» устоявшихся метафор, метонимий и прочих тропов, а также штампов и стереотипов – только тогда можно будет говорить о более или менее адекватной смене вербальных языковых доминант на визуальные, по крайней мере, в некоторых сферах коммуникации и познания.

Описанная тенденция к визуализации очень противоречиво взаимодействует с тенденцией к превращению стремящихся к пониманию знаниевых потоков – в информационные. Информация, которую несет зрительный образ, в силу отсутствия общепризнанной кодификации визуальных единиц (а подчас слабо определена и сама система визуальных единиц, по крайней мере по сравнению с системой единиц вербального языка), по определению, очень отдаленно напоминает данные информационных потоков, основанных на вербальных языках. Полноценный зрительный образ сопротивляется превращению его в понятие и может стать таковым лишь через его редукцию, по крайней мере в сознании человека, сформировавшегося в отходящую эпоху. Например, система графических единиц, используемых в компьютерном языке, в технологиях Интернет – является полноценной понятийной системой лишь для достаточно квалифицированных взрослых пользователей, либо для совсем юных владельцев компьютеров, система когнитивных и социальных феноменов-гештальтов которых формировалась уже в неотрывном единстве с миром виртуальной компьютерной реальности.

Таким образом, не исключено, что тенденции развития языков познания и коммуникации, в существенной степени связанные с процессами взаимодействия их вербальных и визуальных (шире – перцептивных) составляющих, – завершатся неким вариантом их синтеза, определяемым, в том числе, и техническими возможностями новых информационных технологий. В этом синтезе возможно преодоление негативных тенденций к формализации, к редуцирующей информатизации знания и понимания – через активное подключение ныне слабо используемых возможностей перцептивных языков.

При этом важную роль будет играть то обстоятельство, что универсум значений естественного языка, а также языков науки, искусства и проч. – в существенной степени обогащается значениями и смыслами так называемых «социальных феноменов», которые рассматриваются как представления об объективированных социальных явлениях, а точнее – их более или менее социализированные интерпретации. Типы социальных феноменов и их значения, во всем разнообразии достаточно подробно описанные в социологии, особенно в ее феноменологическом варианте и в этнометодологии – мы рассматриваем с точки зрения выявления тенденций их изменения, причем в контексте интерсубъективности, поскольку их существование, по выражению Шюца, каждый раз заново подтверждается в социально организованных актах их интерпретации. В связи с этим мы не ставим целью исследование «природы» новых социальных феноменов, связанное с их причинностью или детерминацией, поскольку это бессмысленно в той же степени, как и исследование природы любых «глубинных структур», превращающихся в нечто «реальное» посредством интерпретирующей деятельности членов общества. Однако именно эти феномены создают условия, при которых актуальный мир переживается и интерпретируется живущими в нем людьми как структурированный мир значений, выступающий в форме типических представлений об объектах этого мира.

При исследовании социальных феноменов важно не столько уловить уникальность индивидуального опыта (что никогда не возможно до конца осуществить), сколько понять внутреннюю логику (внутреннюю форму) социального опыта в целом, внутреннюю форму языка взаимодействия субъектов, наделяющую опыт значением. В определенном смысле слова, социальные феномены – это «коллективные вымыслы», существующие в роли почти «коллективного бессознательного», принятые большинством, широко используемые в языке, при формировании выражений и помогающие не только приспособляться к социальной действительности, но глубоко исследовать ее и развивать. При этом считается, что главными являются те феномены, которые принимаются на веру большинством, однозначно принимаются как данности своей эпохи, они самоочевидны и несомненны для индивидов, а потому воплощают в себе сущностные характеристики действий участников по конституированию реальности.

Как представляется, наша эпоха все больше становится ареной, на которой вступают во взаимодействие типические представления, носящие явно мифологический характер и сформированные под сильным влиянием СМИ и артефактов информационных технологий. Такого рода социальные феномены парадоксальным образом принимаются на веру, но без веры как таковой. Они могут служить предпосылками образования любого количества реальностей, существующих в своем множестве даже в сознании отдельного индивида. При таком положении дел пропадает смысл фиксировать значения социальных феноменов «в одном измерении», поскольку они существуют в многомерном конфигурационном смысловом пространстве и могут быть представ-

лены под любым углом рассмотрения.

Тем не менее подобного рода вариативность, условно говоря, «априорных форм», при которой, как кажется, нет никаких условий для совпадения систем релевантностей или для нахождения общего языка – сосуществует с процессами глобализации. При этом сама глобализация, унификация как будто «разбирается по частям», интериоризируется, но этим самым проникает всюду, проявляясь во всем, вплоть до отдельных поступков индивидов. Таким образом, языки постижения мира со своей динамичной системой значений становятся одной из сторон «индивидуально-ответственного *поступка*». Более того, по выражению М. М. Бахтина, вся жизнь человека может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок, «в услужении» которого исторически вырастали разнообразные языки постижения мира. В поступке происходит слияние души и тела, перерастание биологического существования в существование личное; природного мира – в мир культуры, в условиях, когда все это становится актуальным и в то же время не перестает быть эфемерным, благодаря временной структуре нашего опыта [2]. Поскольку в этом процессе тесное переплетение языка и действия, ближе всего именуемое термином «языковые игры», позволяет в своей динамике выражению, вступающему в «языковые игры», принимать то одно, то другое значение – то подобные преобразования становятся компонентом деятельности человека, «формой жизни» [5, с. 122]. В сложном переплетении подобного рода «форм жизни» или социальных феноменов, языковых значений – формируется глобальный ответственный поступок, нуждающийся в упреждающем философском осмыслении.

Источники и литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч.1. – М., 1994. С. 83–90.
2. Громько Н.В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 175–180.
3. Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000.
4. Кудряшова Т.Б. Онтология языков познания. – Ч.1 – Иваново, 2001.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия.

Лазарев Ф.В.

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ УГРОЗЫ

*В середине XX века чуткий к веяниям эпохи поэт воскликнул:
Все прогрессы реакционны,
Если рушится человек!*

С тех пор много воды утекло: к старым "прогрессам" добавились новые – космические станции, персональные компьютеры, интернет, клонирование живых организмов, нанотехнологии, процесс глобализации в экономической, социальной и культурной областях... А вот что касается человека, то он по-прежнему "рушится", но с еще большей силой. Складывается впечатление, что чем больше "прогрессов", тем больше бед приносят они людям. Существует ли здесь прямая зависимость – вопрос особый. По крайней мере, одно можно сказать определенно: современная технократическая цивилизация увязла в противоречиях, которые непосредственно обостряют проблему выживания людей на нашей планете.

Вот уже несколько десятилетий как в мире ширится экологическое движение. Экологи поняли и убедили остальных, что в нашем общем природном доме не все благополучно и что без решительных мер по охране окружающей среды дело может пойти слишком далеко. Однако сегодня мы должны понять еще одну важную истину: неблагополучно обстоит дело и с самим "хозяйном дома" – человеком. Настало время, когда спасать надо не только бабочек, редких пернатых и уссурийских тигров, – спасать надо самого человека. Человеческий дух никогда не смирится с мрачным пророчеством М. Фуко: "можно поручиться – человек исчезнет, как исчезнет лицо, начертанное на прибрежном песке". Но фактом является то, что над миром нависла угроза *антропологической катастрофы*.

К числу важнейших ее признаков можно отнести следующие:

- разрушение биосферных основ жизни на Земле, включая физическое существование людей (загрязнение атмосферы, водных ресурсов, изменение климата, эрозия почвенного покрова и т. п.);
- физическая деградация человека как вида (резкое увеличение числа детей, неполноценных в том или ином отношении, рост массовых заболеваний, наркомании, сексиндустрии и т. п.);
- процесс очевидной депопуляции населения в ряде стран планеты;
- появление новых технологий манипулирования сознанием во все возрастающих масштабах; кризис человеческой субъективности и виртуализация человеческого "я";
- трансформация ценностного сознания среди больших масс людей (особенно в молодежной среде), возникновение "одномерного человека".

Все перечисленные тенденции, на первый взгляд, могут показаться автономными, протекающими сами по себе. Однако при внимательном анализе становится ясным, что они не только тесно взаимосвязаны, но и неминуемо стягиваются в тугую узел. Слияние этих тенденций в одной точке, собственно, и означало бы глобальную антропологическую катастрофу.